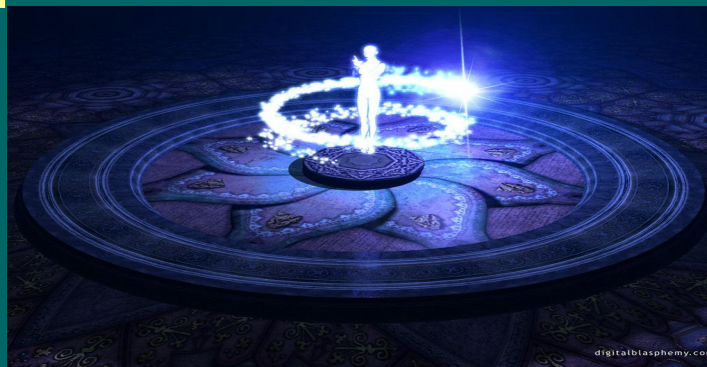

Федор Михайлович Достоевский

*«Роль библейских
реминисценций и
вставного эпизода в
понимании идейно-
философских исканий*

«Роль библейских реминисценций и вставного эпизода в понимании идейно-философских исканий Ивана Карамазова»

Проблемы, которые волновали и мучили Достоевского, - это вековые, старые, как мир, и новые, как завтрашний день, вопросы человека о мире, вопросы о счастье и смысле жизни. Ставя и разрешая задачи общечеловеческого характера, Достоевский ведет читателя к познанию жизни своим особым путем, мучительно выстраданным и всесторонне продуманным.

Создавая образ человека, страдающего от невозможности примирить действительность с христианской идеей добра, Ф.М. Достоевский активно обращается к библейскому тексту, находя в нем образы, символы, сюжеты, позволяющие подчеркнуть извечность поисков всепримиряющей гармонии. В тексте романа множество цитат из Ветхого и Нового Завета, реминисценций, аллюзий, интерпретаций и пересказа сюжетов Книги Книг. Но особую функцию выполняет вставной эпизод, несущий основную смысловую нагрузку. Это созданная Иваном Карамазовым «Легенда о Великом Инквизиторе»

Цель нашей работы состоит в том, чтобы, анализируя текст романа, выявить место некоторых библейских образов-символов характеризующих Ивана Карамазова и функцию «Легенды о Великом Инквизиторе»

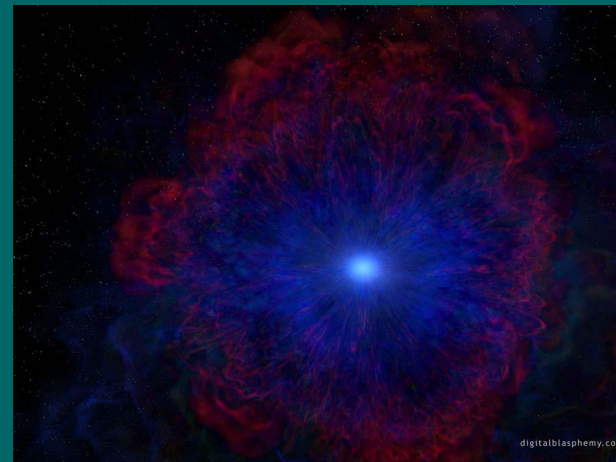

Мечта сохранить веру в человека,
обрести идеал влекла
Достоевского к образу Христа, в
котором, по мысли писателя,
воплощены высшие нравственные
критерии. Однако исторический
опыт неумолимо опровергал эту
веру, свидетельствуя, что
христианство не способно создать
рай на земле. Иван Карамазов,
повторяя тезис Вольтера,
воскликает: «Я не Бога не
принимаю, пойми ты это, я мира,
им созданного, мира-то божьего не
принимаю и не могу принять»

Иван принадлежит к тем высшим натурам, для которых последние проблемы бытия, так называемые метафизические вопросы: о Боге, о душе, о добре и зле, о мировом порядке, о смысле жизни, представляются не праздными вопросами теории, но имеют самую живую, непосредственную реальность.

Такие натуры не могут жить, не поставив и не разрешив этих вопросов. Характерной особенностью состояния, в котором находится Карамазов, является недоверие к настоящему и прошлому, осознание переходности между Добром и Злом современной действительности. Такое переходное состояние болезненно воспринимается героем Достоевского.

Трагедия Ивана состоит в том, что с таким выводом, отрицающим нравственность, его сердце, “высшее, способное такой мукой мучиться”, не может смириться. Достаточно вспомнить страдания Ивана, считавшего себя виновным в убийстве отца. Разум приходит здесь в разлад с чувством, то, что отрицает логика, принимает сердце.

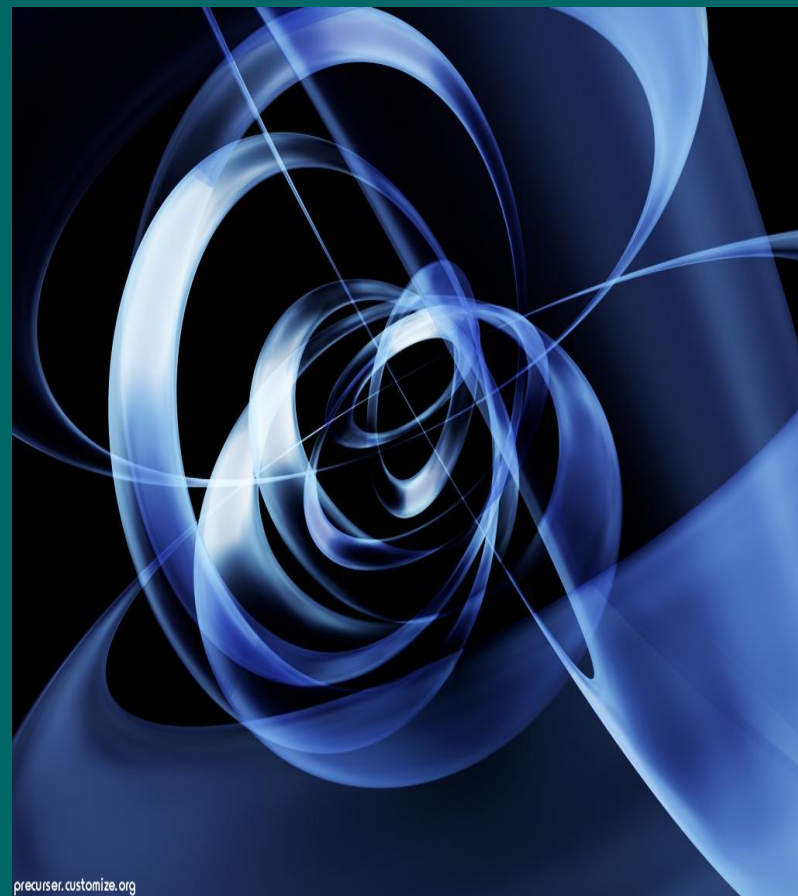
Цитирую: "...Принимаю бога прямо и просто", но "я мира этого божьего не принимаю", - бросает свой вызов молодой мыслитель.

Иванов отрицает, такую гармонию и в отрицании, когда
«наставит не на познание и карамбазовской» натуре, будут
оправданы и объяснены неким высшим смыслом, сегодняшние
отрицает из любви к человечеству. Никто не смеет
муки, страдания. Он видит трагический парадокс
простить мучителям, и, значит, нет гармонии, и
мироустройства в том, что человек, с тем нравственным
следует оставаться с «неутоленным
чувством, которое дано ему свыше, с инстинктом любви и
негодованием», а «бьет» на вход в грядущее
милосердия, должен допустить и оставить без возмездия слезы
и кровь небесных и царя, построить конструктивную гармонию,
добыть этой страшной войной истину и благодать.

Здесь в образе Ивана словно восстает библейский Иов, прямо, без посредников, обращающийся к Богу с требованиями открыть последнюю истину и объяснить, зачем страдает на земле невинный. Но если Иову Бог отвечает великим откровением и являет, хотя и в иррациональной форме, смысл мироустройства и Иов отступается от своего бунта, то у Достоевского вопрос человека остается без ответа и ему предстоит отыскивать этот ответ, искать истину в страшном мире.

В отношении Ивана к жизни можно увидеть черты библейского Фомы Неверующего. Апостол Фома не хотел верить рассказу о воскресении Христа. Когда Христос воскрес и явился ученикам еще раз, Фома воскликнул (цитирую евангельский текст): «Господь мой и Бог мой!». Христос же сказал: «...ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны невидевшие и уверовавшие».

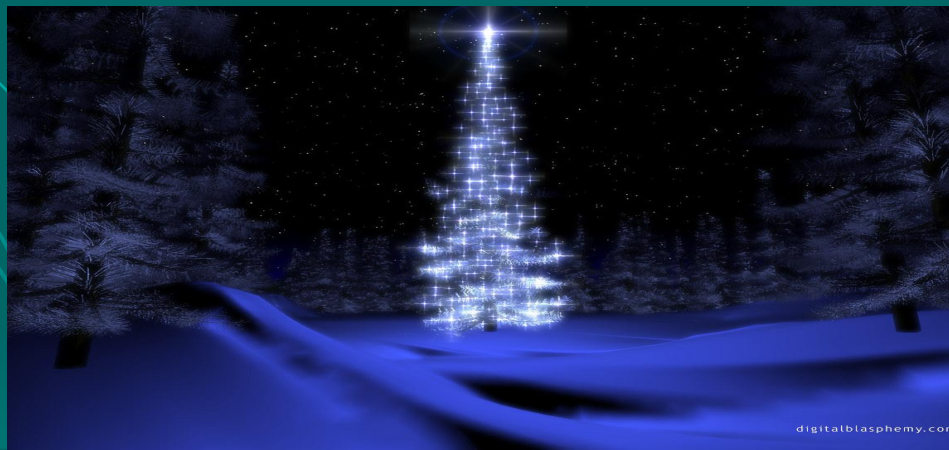
Черт, убеждая Ивана, говорит: «А не верь, что за вера насилием? Притом же в вере никакие доказательства не помогут, особенно материальные. Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому, что еще прежде желал поверить...». В этой библейской параллели заключен очень важный смысл

Иван, этот “расколотый” человек, живущий “в эпоху цивилизации”, утративший “источник живой жизни” и непосредственность ощущений, хочет говорить с Христом. Он, атеист, ищет свою дорогу к Богу. Он, стоящий перед широко распахнутыми воротами в ад и одновременно остающимися открытыми райскими дверьми, хочет исцеления, жаждет веры, но боится собственного неверия как евангельский Фома.

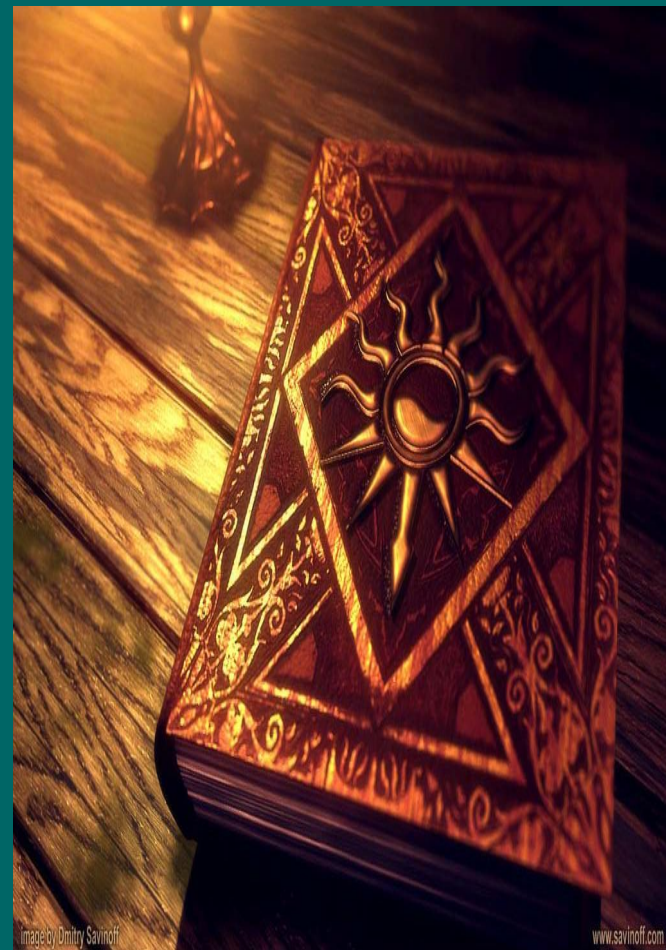

И хотя в финале романа сознание Ивана по-прежнему расщеплено, он отшатывается от бездны, раскрывшейся перед его глазами. Иван не восклицает как Фома: «Господь Мой и Бог Мой!» - но то, что он идет доносить на себя - символ духовного покаяния. Так Достоевский утверждает, что от “расколотости” спасает только порыв ко Христу. Истина (в контексте символа веры) - это человеческая природа, доступная всем искушениям

Обртимся прямо по рвсправу ввденню в речий
пришел на суд, чтобы публично покаяться в
героев библейского текста, образов и символов
содеянном только мысленно: «Есть у вас вода или
(например, Иван говорит Атеше: «Он тебя
нет, дайте напиться, Христа ради!» - схватился он
испугавшись за голову). Ты «чистый херувим»,
символический мотив. В драматический момент
герой «раскрывается» перед читателями: в
громовой вопль восторга серафимов. Что такое
противоположность «хлебу», материальной силе
серафим?») мы обнаруживаем множество
мира, но воодушевлен здесь разумеется «живая вода»
мифов, образов, ассоциаций. Это тоже тоже к
Иван, что разговаривал со Смердяковым, это Иван,
жаждущий (в прямом и переносном смысле) веры и
спасения.

Повествование переключается в
В своей знаменитой «поэме» о
историко-философский план -
Великом Инквизиторе Иван пытается
Иван рассказывает задуманную
дать ответ на главнейший тезис
поэму "Великий инквизитор", весь
христианской морали, ответ,
смысл которой заключен в критике
исполненный несбыточной силы
христианства отрицания. Суть ответа
Образ Христа призывает к истине,
Включенную во Христа Иван отделяет
Великом Инквизиторе» воплощает
и противопоставляет её истине,
принципиальную особенность
заключенной в человеческой природе.
христианского мировоззрения
Он разрывает метафизическую связь
Достоевского, исходящего из того,
между Христом и человеком, между
что Бог по природе своей
абсолютным и относительным,
непостижим для человеческого
между земным и вселенским.
разума.

По утверждению М.Гуса, высказанному в монографии «Идеи и образы Достоевского», герой не согласен с Великим Инквизитором в том, что созданные им порядки наиболее подходят для человечества. Но вместе с тем он не может предложить ничего другого, ибо хотя Иван Федорович в своей статье и говорил об «оцерковлении» государства, но сам в это не верит, не верит и в возможность счастья для человечества в его земном существовании. И в этих противоречиях он мучается и доходит до сумасшествия, до «общения с чертом».

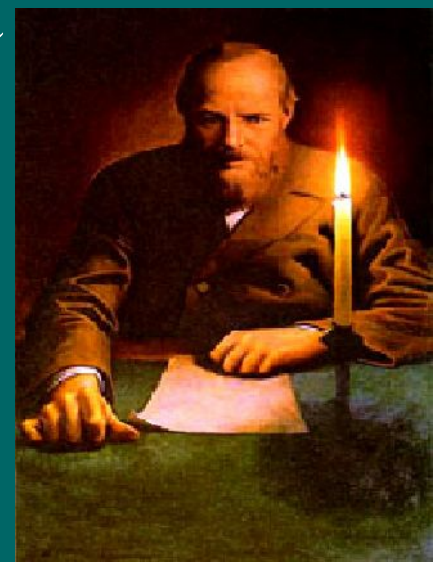
Черт – олицетворение мучительных мыслей Ивана. В споре с Карамазовым он называет зло необходимым элементом мира. Без зла, без отрицания, - говорит он Ивану, была бы только одна осанна, и если бы на земле все было бы благоразумно, то ничего бы не происходило, и не было бы самой жизни. Черт высказывается за свободу человеческого выбора между добром и злом.

Таким образом, в бунте Ивана Карамазова против зла на земле, в его «Легенде», во всех его рассуждениях, в диалоге с чертом звучит не только отчаяние неверие

в возможность счастья на земле, но и неугасимое, горячее желание, чтобы настала «гармония» в этом, *посюстороннем* мире. В душе Карамазова кипит борьба между верой и неверием – и не в Бога, а в человека. Как и в душе Достоевского.

Чаще всего счастье и смысл жизни, по Достоевскому, достигаются путем страданий. Но они не самоцель. Это духовный путь человека, пытающегося найти свое место в несправедливо устроенном мире.

Этот путь и проходит Иван Карамазов, являясь, по-существу, образом-символом человека ищущего, но не находящего. Истина, которую пытается осознать герой Достоевского, находится где-то в ином пространстве, вне его и действительности. Вот почему он вступает в диалог с чертом, пытается в аллегорической форме «Легенды» высказать свое неверие в добро, которого так жаждет.

Таким образом, чтобы подчеркнуть извечность метаний человечества между Добром и Злом, Достоевский вводит в роман множество цитат, аллюзий, прибегает к откровенным сравнениям и реминисценциям из Евангельского текста, что позволяет увидеть в Иване Карамазове носителя не только авторского замысла, но и замысла Божьего, завещавшего человеку вечные страдания ради Истины.

